

А.Л. Чибиров

САРМАТО-АЛАНСКАЯ КОМПОНЕНТА ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИИ

(обзор книги Я. Лебединского «Сарматы и аланы в Галлии IV–V вв. История и наследство»)

А.Л. Чибиров*

Аннотация. Европейская историография всегда уделяла внимание сармато-аланской проблематике. Причиной этому служил неослабевающий интерес европейских ученых к историческому прошлому Европы, существенное влияние на культуру которой оказали сарматы и аланы. Одну из наиболее интересных работ, посвященных сарматам и аланам, написал французский историк-археолог украинского происхождения Ярослав Лебединский. Книга называется «Сарматы и аланы в Галлии IV–V вв. История и наследство» и рассказывает об обширном историческом, археологическом и культурном наследии, оставленном сарматами и аланами на территории современной Франции в определенный хронологический период.

DOI 10.23671/VNC.2018.1.12021

Ключевые слова: Лебединский, сарматы, аланы, Римская империя, Галлия.

В последнее время европейская историография вновь начала уделять большое внимание скифо-аланской проблематике. Отчасти это обусловлено неухающим интересом ученых-историков к историческому прошлому Европы, существенное влияние на культуру которой оказали сарматы и аланы. Многие поколения европейских ученых до сих пор обоснованно считают, что сарматы и аланы являются неотъемлемой частью истории и наследия Европы. За последние десятилетия в разное время сарматам и аланам посвящали свои работы такие исследователи, как Т. Сулимирский, Ф. Кардини, М. Мельчарек, А. Аллемань, Р. Шмоскель, Э. Истванович и другие.

Одну из наиболее интересных работ, посвященных сарматам и аланам, написал французский историк-археолог украинского происхождения Ярослав Лебединский. Книга под названием «Сарматы и аланы в Галлии IV–V вв. История и наследство» вышла в серии «Алано-кавказская библиотека» во Владикавказе в 2016 году. В своем предисловии к книге автор пишет: «Посвящается осетинскому народу, его интеллектуальной элите, усердно работающей на благо сохранения своего древнейшего языка и традиций, унаследованных от предков-алан» [1].

Ярослав Лебединский родился в Париже, в 1960 г. Он работал в разных исследовательских институтах и вузах Франции, однако с 1997 г. начал преподавать историю Украины в Парижском национальном институте восточных языков и цивилизации (INALCO). Ученый является специалистом по древним евроазиатским степным культурам и Кавказу, из-под его пера вышло более трех десятков монографий, а также множество

статей, посвященных древним кочевым народам Евразии, культурам Кавказа, изданных преимущественно на французском языке. Кроме этого, Я. Лебединский выступает в роли переводчика на французский язык ряда научных изданий, интересных французскому научному сообществу.

Всего по скифо-сармато-аланской проблематике Ярослав Лебединский издал пять работ. Первая монография под названием «Аланы», написанная им в соавторстве с известным алановедом В.А. Кузнецовым, была издана в Париже в 1999 г. Позже, в 2005 г. эта работа была переиздана вновь. За ней последовали книги: «Саки» (2006); «Оружие и воины Кавказа» (2008); «Скифы, сарматы и славяне» (2009) и «Сарматы и аланы против Рима» (2010). Кроме всего прочего, автор уделит большое внимание и киммерийцам в своей монографии «Киммерийцы. Первые кочевники европейских степей IX–VII вв. до н. э.», изданной в Париже в 2004 г.

Помимо основательных франкоязычных работ у Я. Лебединского есть публикации и на русском языке. Одна из них, статья под названием «Аланы в Галлии: ретроспективный обзор и выводы» (2013), вышла в сборнике «Этногенез и этническая история осетин. Материалы международного конгресса» во Владикавказе в 2013 г. [2]. И наконец в 2016 г. в серии «Алано-кавказская библиотека» во Владикавказе была издана основательная монография Я. Лебединского «Сарматы и аланы в Галлии в IV–V вв.», краткий обзор которой мы постараемся представить вашему вниманию в этой статье.

Как отмечает Я. Лебединский во введении к русскому изданию, данная монография являлась итогом двадцатилетних исследований в

* Чибиров Алексей Львович – кандидат исторических наук, СОИГСИ ВЦ РАН (chibiroff@mail.ru).

области сармато-аланской проблематики, была предназначена «для русскоязычных читателей и содержит всю последнюю информацию по данному вопросу, а также элементы ее интерпретации и обсуждения» [1, с. 10]. Это утверждение, а также богатая библиография ученого со всей ответственностью позволяют нам представить Ярослава Лебединского как крупного исследователя в данной области.

А теперь коснемся непосредственно представляемой монографии Я. Лебединского. В чем же ее значимость для исторической науки в целом и для алановедения и осетиноведения в частности? В большинстве своем проникшие на территорию Галлии после Великого переселения варварские племена – франков, бургундов, бриттов в большей степени, вестготов, вандалов и гуннов – в меньшей – оставили четкий след в исторической памяти французского народа. К сожалению, этого нельзя сказать о сармато-аланских всадниках, пришедших на эту территорию через Паннонию из южнорусских степей и оказавших существенное влияние на историю и культуру Франции, но почему-то не оставивших после себя столь устойчивых воспоминаний. Рассматриваемая монография в определенной степени восполняет этот вакуум. Это первое.

Во-вторых, серьезная исследовательская литература, в которой освещается участие алан в Великом переселении народов, а также история сармато-аланских племен на всей территории западно-римской империи, представлена такими исследователями, как Ф. Кардини, Б. Бахрах, В. Ковалевская, Т. Сулимирский и т. д. Отличие рассматриваемой книги от работ вышеуказанных исследователей заключается в том, что в ней внимание сосредоточено лишь на истории сарматов и алан, прибывших в Галлию в строго ограниченные хронологические рамки – IV–V вв., что позволяет всесторонне обозреть определенный период истории этих народов, не обобщая и не размазывая фактологию во вневременных рамках.

В-третьих, авторы, ранее писавшие, в частности, о сармато-аланах Галлии, по разным причинам не смогли использовать весь объем архивных материалов. В основе своей они пользовались лишь литературными источниками, в которых имели место недостоверная интерпретация тех или иных событий, искажение и неточное восприятие археологических артефактов, топонимов и т. д. Ограничивая исследование проблемы рамками определенного исторического периода, Я. Лебединский смог уделить особое внимание деталям, конкретике и точной фактологии событий, описываемых в различных исторических документах.

В-четвертых. Критически оценивая некото-

рые положения, озвученные до него американским ученым Б. Бахрахом и другими учеными, автор в своей работе приводит самые последние данные исторической науки о сармато-аланах. Являясь признанным специалистом по истории раннесредневековой Галлии, этой книгой Я. Лебединский вновь заявил о себе как авторитетном и компетентном специалисте в области исторического прошлого Франции.

В-пятых. Обычно ученые, исходя из принадлежности алан к сарматскому племени, нередко приписывают события, связанные с сарматами, аланам и наоборот. Свою книгу Я. Лебединский посвящает одновременно и сарматам, и аланам, однако в то же самое время он четко отделяет их друг от друга, ибо, по его мнению, в исследуемый период на территории Галлии они были представлены самостоятельно. Более того, имели разный исторический статус. В частности, как пишет Я. Лебединский, так называемые дунайские сарматы (бывшие языги и частично роксаланы) были выходцами с венгерской равнины, из Паннонии, в то время как аланы изначально пришли с юга России (территория между течениями Дона и Волги) и Северного Кавказа [1, с. 15]. А там, где сармат и алан в отдельных конкретных ситуациях сложно было размежевать друг от друга по археологическим, лингвистическим и культурным влияниям, автор использует комбинированный этнонимом – сармато-аланы.

Сопоставляя сармат и алан, ученый обращает внимание и на такое обстоятельство, как их юридический статус в Римской империи: сарматы расселились на территориях, подвластных Риму во II веке, при этом они имели статус свободных иностранцев (*Gentiles*), являвшихся частью военно-административного аппарата империи, в то время как аланы, прибывшие в 405–406 г., являлись «федератами», т. е. сохраняли собственное управление и возможность формировать микрокоролевства на территории Империи. Более того, хронология событий позволяет понять, что аланы как самостоятельная группа оказались в Галлии, то есть на территории Рима, позднее сармат. В качестве подтверждения сказанного стоит обратиться к другим источникам.

Так, Т. Сулимирский в своей книге «Сарматы» рассказывает о том, как в 175 г. (Я. Лебединский указывает другую дату – 155 г. [1, с. 17]. – **А. Ч.**) император Марк Аврелий нанес поражение сарматам-языгам на Венгерской равнине в Паннонии и потребовал, чтобы, согласно условиям мирного договора от 179 г., 8 000 сарматских всадников были отданы Риму, из которых 5 500 были переправлены им на Британские острова для защиты Адриана вала [3, с. 155]. Таким образом, во II в. н. э. сарматы-языги были первыми ираноязычными племенами, которые компактно

обосновались на территории римской империи, а именно в Британии. История сохранила и имена сарматских правителей. Царь Банадасп, сторонник войны с Римом, был взят под стражу, а переговоры с Марком Аврелием возглавил царь Зантик. Что же касается прибытия самой большой группы алан на территорию Галлии, то эта дата также оказалась зафиксирована в исторических хрониках, и случилось это событие позднее более чем на 200 лет. Согласно хроникам, под новый 406–407 год аланы вместе с вандалами и свевами перешли по льду реку Рейн и вторглись в Галлию [4, с. 286]. Лебединский обозначает это событие иной датой, 405–406 гг., что не совсем корректно [1, с. 313–314]. До описываемых событий Рим сталкивался с аланами в восточных провинциях, когда римлянам пришлось «в частности, отражать великий поход алан в Каппадокию в 135 г.» [1, с. 16].

Выше нами было отмечено, что история пребывания сармато-алан конкретно в Галлии изучена весьма слабо. Автор подчеркивает, что «благодаря исследованиям, проводимым в Центральной и Восточной Европе, наши знания о сармато-аланах неперестанно углубляются. Возможности для сопоставления, которыми мы располагаем, и значительно богаче, и надежнее тех, которые были доступны сто или пятьдесят лет назад» [1, с. 9]. Представляемая монография состоит из трех глав. В первой главе под названием «Исторические сведения» Я. Лебединский приводит данные о сарматах и аланах до перехода их в V в. в Галлию. Мы уже говорили о том, что они пришли на территорию Римской империи из двух различных географических районов. Сарматы, которые были самым западным ираноязычным племенем, в I–IV вв. взаимодействовали с римскими властями, находясь то в союзе с Римом (в частности при императоре Грациане), то враждуя с ним. Вслед за Т. Сулимирским Я. Лебединский пишет о той самой известной войне 175 г. сармато-языгов с Римом, в которой языги потерпели поражение от войск императора Марка Аврелия. Автор книги обозначает в своей работе названия десятков сарматских поселений, их формирование и локализацию на территории Галлии, характеризует быт и социальную иерархию в сарматском обществе, их положение и роль в качестве *Gentiles* (язычники, «племенные») – варварских отрядов во главе с префектом на службе Рима. Некомпактно расположенные сарматские поселения быстро потеряли свою этнокультурную самобытность, и уже к концу V в. частично слились с франками, бургундами. Римские власти представили убежище самым разным сарматским племенам, очень часто вербуя их как воинов. Как правильно пишет автор, присутствие в Галлии алан и сармат в V веке вписывается в

историю длительных межплеменных контактов и отражает их два разных этапа. Сарматские колонии восходят к более ранней практике расселения небольших групп варваров администрацией Римской империи. Я. Лебединский ссылается на так называемый Табель о рангах (Перечень Чинов) *Notitia Dignitatum Romani*, некий военно-административный справочник обеих Римских империй времен императора Гонория (395–423 гг.), а также на более раннее их упоминание в поэме Авсония, который говорит о «пашнях, недавно отмеренных сарматским поселенцам» [1, с. 19]. Святой Иероним сообщает, что сарматы, отличающиеся от алан, участвовали в нашествии на Галлию в 407 г. [1, с. 20]. Приводит автор и другие источники, которые действительно различают алан и сармат.

Аланы оказались на территории Франции позднее. После битвы при Адрианополе (нынешний Эдирне в Турции) в 378 г. между готами и аланами во главе с Фритигерном и римскими войсками под предводительством императора Валенты, в которой римляне потерпели сокрушительное поражение, аланы как участники этих процессов, перешли на территорию Рима в качестве федератов и «стали впоследствии «военно-политическим фактором чрезвычайной важности в жизни империи» [1, с. 18]. В отличие от сармат, «аланы представляют собой многочисленные группы «федератов», с которыми ослабленная римская власть была вынуждена заключать соглашения» [1, с. 18]. Первое пребывание алан на территории Галлии Я. Лебединский связывает с вербовкой римским императором Грацианом войск из варварского населения Паннонии. При этом ученый акцентирует внимание на особо уважительном отношении Грациана к аланам, что проявлялось даже в его стремлении одеваться в аланский костюм. В конечном итоге римские солдаты не простили Грациану фаворитизм по отношению к аланам, вследствие чего 25 августа 383 года император был убит в Лионе. По предположению Я. Лебединского, те триста воинов, которые сохранили до конца верность императору, были аланами.

И все же наиболее значительная волна алан оказалась на территории Галлии после великого похода алано-германских племен в 407–409 г., о котором мы говорили выше. Событие, которое Я. Лебединский обозначил как «Великое вторжение», впоследствии оказало существенное влияние на дальнейшую судьбу Европы. Тогда многочисленные орды варварских племен, в которых доминировали аланы, вандалы и свевы, в ночь под новый 407 г. перешли Рейн и вступили на территорию современной Франции. Отряды алан делились на две многочисленные группировки. Первая, возглавляемая Респендиалом,

спешила на помощь вандалам, атакованным франками. В результате этих рейдов вандалы и аланы в течение двух лет, пройдя с севера на юг всю Галлию, опустошили ее и перешли через Пиренеи в Испанию.

Возглавляющий другую группу алан, предводитель по имени Гоар, оказался более дальновидным стратегом. Он не стал участвовать в разбойничьих акциях Респендиала и вандалов. Вместо этого Гоар заключил сделку с Римом, согласно которой перешел на сторону римских властей и начал защищать интересы империи. При этом его авторитет как военачальника и союзника Рима был настолько высок, что в 411 г. Гоар оказался задействованным в интригах имперского масштаба. В частности, он вместе с бургундским королем Гундахаром (Гунтиярием) поддержал представителя галло-римской знати, некоего Йовина, провозгласившего себя императором, в его стремлении узурпировать власть. Источники умалчивают о том, какую роль в этой истории сыграл Гоар и какие последствия имели для него эти события (Бахрах считает, что «после поражения Йовина Гоар продолжал оставаться на службе империи, считая, что он и не порывал с ней» [5, с. 79]), однако для Йовина все закончилось печально. Из последующей хроники перечня событий, связанных с аланами в Галлии, стоит упомянуть и переход части алан из армии вестготов в лагерь римлян в аквитанском Базесе; обустройство алан в районе Валанс и в Галлии, в провинции Хиспания Ультериор, так называемая Внешняя Испания, к северу от Лувра (440–442 гг.); поход короля алан Эохара в 447–448 гг. в Арморику; участие короля алан Сангибана в защите Галлии от гуннов (451 г.); война между аланами Луары и вестготами Аквитании (452–452 гг.), опустошение Галлии аланами (461 г.) и т. д. [2, с. 314]. В основе своей аланы были сконцентрированы в двух районах Галлии. Первая, так называемая Гоаровская Алания была расположена на северо-востоке Галлии. В то же время в другой провинции, Валанс, начиная с 40 гг. V в. образовалась еще одна крупная аланская община.

Много внимания Лебединский уделяет взаимоотношениям римского полководца Аэция со сменившим Гоара вождем (царем) Сангибаном накануне Каталонской битвы 451 г. Все авторы, в том числе и Я. Лебединский, подчеркивали решающую роль аланских катафрактариев как основной ударной силы группировки римских войск Аэция [1, с. 53]. После этой «Битвы народов», первой подобной в истории человечества, дальнейшая история европейских алан в источниках того времени прослеживается плохо. Известно лишь, что аланы Респендиала опустошили Галлию в 461 г., но спустя три года им было нанесено

серьезное поражение при Бергамо полководцем Флавием Рикимером, романизовавшимся германским генералом. В конце V в. представители династии Меровингов франкские короли Хильдерик, а затем и Хлодвиг завладели территориями между Луарой и Сиагрием, и таким образом аланские королевства на территории Галлии постепенно перешли к франкам. По сведениям Бахраха, «среди рушившегося римского государства аланы, в особенности те, которые были в Галлии, обладали большой возможностью стать составной частью новой средневековой аристократии» [5, с. 89]. Со ссылкой на Б. Бахраха Я. Лебединский считает, что, возможно, аланы Франкского королевства сформировали часть новой господствующей элиты в меровингский период [1, с. 58]. Что касается судьбы самих алан, то, как пишет ученый, «аланы Залуарской Галлии, как и аланы Валанса, а также аланы других вероятных поселений, неизвестных источникам, ассимилировались во второй половине V в.» [1, с. 58].

Значительное место в исследовании Я. Лебединского занимает анализ археологического наследия, оставленного сармато-аланами на французской земле. Я. Лебединский, профессиональный археолог, подвергает детальному критическому анализу всю существующую литературу по археологии раннесредневековой Франции, труды таких известных специалистов, как Э. Сален, К. Цангемайстер, Д. Шорш, Е. Джеймс, Л. Франше, Э. Салена, Ж. Сират, К. Пиле, М. Казанский, П. Перен, К. Симон, Й. Вернер, М.Р. Сотер, А. Мастыкова. Ученый систематизирует и анализирует обнаруженные археологические артефакты, сопоставляет археологические находки с соответствующими по хронологии историческими событиями, тем самым достигая максимальной объективности представляемой картины.

В главе представлены все археологически значимые памятники и захоронения на территории Франции, имеющие отношение к раннему средневековью, т. е. V–VI вв., к периоду, когда сармато-аланы все еще сохраняли свою идентичность. Вслед за предметной идентификацией (обряды, погребения и погребальный инвентарь, зеркала, оружие, одежда, тамги), Я. Лебединский анализирует известные могильники с наличием сармато-аланского инвентаря (Реймс, Труа, Оберне, Страсбург, Креффельд-Геллет), а также единичные находки. Ученый исследует также «варварские» захоронения и погребальный инвентарь и так называемые ложные следы и сомнительные эпизоды. Завершается глава исторической интерпретацией археологических находок, их общей оценкой.

Объективному анализу археологического наследия сармато-алан во многом способствовала

удачно разработанная методология исследования и компетентность ученого в обрядовой жизни сармато-алан и других варварских племен, в умении отличить могильники, оставленные ираноязычными племенами, от тех, которые принадлежали гуннским и германским племенам. Благодаря комплексному подходу ученому удалось систематизировать археологические объекты на территории Франции в V–VI вв. и разбить их на три части. К первой Я. Лебединский относит настоящие сармато-аланские археологические находки из Реймса, Хохфельдена, Оберне, Крефельд-Геллепа и, возможно, Эрана, Мульта, Сен Ливрад-сюр-Лота и Флина. Ученый считает их достоверным признаком сармато-аланского наследия, характерными для обрядовой жизни сармато-алан и подтвержденными историческими источниками. К такому выводу он пришел благодаря обнаружению в могильниках характерных для сармато-алан деформированных (моделированных) черепов, нашитых декоративных пластинок, разбитых металлических зеркал с боковым ушком рядом с телом погребенного, клинки с вырезом у основания рукоятки и др. Ко второй группе артефактов ученый отнес археологические памятники, которые его предшественниками считались аланскими, но которые вызывали у него сомнение в их правильной диагностике, хотя Я. Лебединский все же остерегается их полностью опровергать. Третью группу составили археологические памятники и отдельные находки, которые его коллеги ошибочно приписывали сармато-аланам.

В целом, если, помимо ошибок и сомнительных диагностик, исключить весь исследованный в той или иной связи материал, не принимать в расчет ранние случаи искусственной деформации черепа и брать только минимальное количество артефактов – все же и они надежно свидетельствуют о присутствии в Галлии довольно многочисленных групп алан и сармат. Кладбищ и отдельных сармато-аланских захоронений во Франции, по всей вероятности, было достаточно много, заключает ученый при анализе археологических артефактов сармато-алан.

Итак, несмотря на то, что все находки носят случайный характер, автор утверждает, что во Франции никто никогда конкретно и системно не занимался поисками сармато-аланского наследия. Здесь не было археологов, которые обладали бы необходимым арсеналом знаний для их идентификации. Кроме того, сложность этой работы заключалась и в том, что специфическая самобытная «материальная культура» алан на территории Франции сохранилась лишь в течение жизни лишь одного-двух поколений, а в некоторых провинциях и того меньше. «В первой половине V в. аланы и сарматы должны были

быть довольно распространенным и привычным элементом демографического пейзажа Галлии» [1, с. 119]. Затем появились захоронения со смешанным инвентарем, характерным для сармато-алан и германцев. Все вышеизложенное дало возможность Я. Лебединскому подвергнуть обоснованной критике коллегу М. Робсона, тенденциозно и необоснованно утверждавшего, будто «археология не выявила во Франции никаких следов сармат».

Большую научную нагрузку несет третья глава монографии. Если вторая глава была посвящена материальному (археологическому наследию), то в третьей исследуется нематериальное, лингвистическое и культурное наследие сармато-алан. К тому же, как отмечает автор, это наследие требует более осторожного и критического подхода. Исследуя археологические памятники, автор придерживался таких методологических устоев, как: лингвистический контекст (региональные языки, диалекты), графическая и орфографическая специфика древних текстов, учет и анализ названий населенных пунктов. Такой разноплановый исследовательский подход дал возможность ученому подойти максимально близко к исторической истине, воссоздать объективную картину. Прав он и тогда, когда пишет, что «отдаленное сходство названий ничего не доказывает, тем более в случае, если существуют альтернативные объяснения их происхождения от кельтского, латинского или романского, или германских языков... Кроме того, они должны быть реалистичны» [1, с. 122–123].

О сармато-аланском топонимическом наследии Франции писали многие ученые. Однако даже на этом весьма компетентном фоне труд Я. Лебединского заслуживает большего доверия и достоверности. Его монография пропитана любовью к своей стране, к ее великому прошлому. Автор отлично знает Францию и зарекомендовал себя авторитетным специалистом. Я. Лебединским запущены в научный оборот все имеющиеся архивные источники вокруг темы исследования, подвергнута критическому осмыслению существующая по теме археологическая литература. Исследование топонимов, относящихся к сарматам и аланам, имеет свои сложности, которые сводятся к тому, что даже если топоним действительно имеет отношение к сарматам и аланам, он не обязательно означает их колонию, но может напоминать имя или прозвище отдельной личности сарматского происхождения. Согласно исследованиям ученого, сарматские топонимы наиболее распространенной серии были расположены во внутренней Галлии, а не на ее рубежах, точно так же, как были расположены сарматские префектуры *Gentiles*.

Я. Лебединским установлено, что наибо-

лее распространенной формой топонимов от племенного названия сармат были Сермез (таких топонимов на территории страны целых 36) и производные от него: Сомез, Сермазель, Сермероль, Сермесс, Сермель, Сермасс [1, с. 136–140]. Он критикует коллег (М. Роблен, Ж. Таверне), скептически относящихся к наличию топонимов, связанных с сарматами, и приходит к заключению, согласно которому сарматы оставили свой прочный след в топонимии Франции. Вместе с тем ученым выявлен ряд топонимов, которые ему кажутся проблематичными, а также топонимы, которые до него ошибочно считались сарматскими.

Исследование топонимов, образовавшихся от этнонима «аланы», оказалось более сложной задачей для автора, о чем говорит знакомство с методическими принципами и тщательнейшим анализом каждого из характеризующих в монографии топо- и гидронимов. При этом примечательно, что при анализе происхождения тех или иных топонимов автор наравне с кельтским, германскими и другими языками пользуется и данными осетинского, таджикского и др. иранских языков, проводит удачные топонимические (*Alan-gaw* – поселение алан; хъæу (осет.) – деревня) и гидронимические (*Alan-dan* – речка, протекавшая на территории Франции и Швейцарии) параллели, распознал скифскую основу осетинского слова *дон* (в значении вода, речка, а также название реки Дон), хотя в форме *дон* имеются реки и в самой Франции [1, с. 53]. В названии Дурдан Я. Лебединский усматривает сармато-аланский этноним *dur-dan* – каменистая река (место). Осторожный подход ученого к топонимическому наследию алан на территории современной Франции вызван также необходимостью избежать системной компиляции всего того, что «напоминает» топоним алан. С этой целью Я. Лебединским выделены топонимы – названия населенных пунктов, поселений, представляющие собой просто собственное имя, отдельно представляя названия, имеющие структуру *alan*+суффикс и *alan*+кюр (*Alancio*, *Alanian*, *Alaniasum*, *Alankop*, *Alenkyp*) [1, с. 140–150].

Как нами было отмечено выше, автор книги ввел в научный оборот большой архивный материал, который помог ему не только в наведении ясности в происхождении топонимов, но и в установлении их возраста и географии размещения по территории страны. Архивные источники подтвердили, что основными местами заселения алан оказались Валанс и Залуарская Галлия, подтвердили, что уже в начале V в. образовалось значительное количество военных поселений алан между средним течением Луары, Сены и департаментом Сарта. Именно в этом ареале имя Алан пользовалось наибольшей популярно-

стью. Чуть сложнее оказалось с анализом топонима «алан» на полуострове Бретань, на котором аланы расселись также в V в. И вызвано это созвучием бретанских и аланских антропонимов.

Автор справедливо критикует Ж. Таверде, который сводит всех алан, за исключением названий серии типа Аллен / *Allaines*, к кельтскому *Alauna*, предлагает кельтскую этимологию названиям типа «маркоманн», которое в действительности являлось названием племени древних германцев. Ученый уделил внимание и топонимам, ошибочно считавшимся производными от этнонима алан. Он критикует тех, которые увидели, к примеру, в топониме «массажет» предков алан (массагетов), оставшихся в Центральной Азии. На деле Массажет – уменьшительное название одного из селений в Галлии – Массаж. Я. Лебединский считает ошибочным и мнение аббата де Ла Рю, считавшего аланскими топонимы в Нормандии как наследие возможно существовавшего там аланского королевства. Полагаю, что обосновано и замечание в адрес В.Б. Ковалевской, которая среди других топонимов на территории Франции с аланской основой считает *As*, *Ir* или *Saka*. Отвечая ей, Я. Лебединский пишет: «Первая основа входила в название, по меньшей мере, части алан, но в период Средневековья у античных алан она не находит никакого подтверждения. Вторая представляет собой современный этноним осетин, также неизвестный в античные времена; шансы обнаружения его в топонимике ничтожны. Что касается третьей основы этнонима саков Центральной Азии (здесь автор допускает маленькую неточность: саки, как и массагеты, жили не в Центральной, а в Средней Азии. – А.Ч.), она и вовсе не встречается в среде сармато-алан» [1, с. 152].

Вместе с тем сомнения уважаемого ученого относительно принадлежности некоторых топонимов аланам не всегда убедительны. В частности, Я. Лебединский сомневается в образовании топонима «Каталония» от названия племен «готы» и «аланы» на основании того, что до сих пор в указанном районе Испании не обнаружены следы поселений алан. То, что следы алан до сих пор не обнаружены в этой области, еще не является доказательством того, что алан там не было; аланский след на западе, как правило, обнаруживается только при случайных археологических находках. К тому же в другом месте своего труда Я. Лебединский называет Каталонию в числе регионов, в котором в раннее Средневековье получила наибольшее распространение знаменитая аланская (каталонская) собака.

Исследователь не оставил без внимания гидронимы и омонимы водных объектов, гор, холмов, содержащие топоним «алан»; они получили распространение во многих департаментах

Франции (Аланьон / *Alagnon*, Аллен / *Allaine* и др.). На территории Франции сохранились и сармато-аланские антропонимии. Их происхождение также было разным. Там, где сармато-аланы слились с позднеримской элитой, Я. Лебединский допускает возможность сохранения прежнего названия за местами их проживания. Топонимы «Сарматия» и «Алания» обычно носили военизированные поселения.

Я. Лебединский исследовал следы сармато-аланской топонимии и в таких собственных именах, как Аланус, Сарматионус, Сарракус, Самбид, Гоар. Более подробно он разбирает происхождение последних двух имен. Ученый считает недостаточным основанием для окончательного вывода одно упоминание имени Самбид в «Галльских хрониках». Однако и предложенные им предположения не совсем убедительны. Что касается имени другого, более могущественного аланского короля Гоара, то это имя в разных источниках пишется по-разному. Среди вариантов Я. Лебединский отдает предпочтение имени, предложенному В.И. Абаевым и Б. Бахрахом, которые расценивали антропонимии Гоар и Еухор (Эухор) как синонимы. Имя Еухор переводится с осетинского как «просоед» и восходит к древнеиранским корням. Гоар без преувеличения был настолько легендарной личностью, что в последующем (даже после ассимиляции алан в местной франкской среде) его именем франкские аланы продолжали называть своих сыновей. В этой связи Я. Лебединский приводит наименование двух населенных пунктов: на территории нынешней Франции (Сент-Гоар) и Германии (Санкт-Гоархаузен) в память о святом Гоаре, жившем в первой половине VII в. (умер в 649 г.). Свидетельствами пребывания и оседания алан на территории Франции являются и сармато-аланские слова, проникшие в лексику французского языка. Таковы топонимы из кочевой жизни сармато-алан (*хæтæн*, *бадæн*), имена, использованные в названиях известных сторожевых собак (каталонская собака – *catalanicus*; аланская собака – *canisalanus* – *alano* (алан) и т. д. Да и среди части местного населения, в особенности после грабительского опустошения Галлии войсками аланского предводителя Респендиала, недружественных и непрошенных гостей награждали оскорбительными, на их взгляд, именами. Так, в Нормандии слово *allain* означает неприятный человек. Как следует из вышеизложенного, многие положения своих предшественников, свидетельствующие о пребывании сармато-алан на территории современной Франции, Я. Лебединский разделяет, но немало и таких утверждений, к которым он относится довольно скептически, не видит в них здравого смысла. Между тем автор отмечает, что и с вычетом сомнительного

и преувеличенного «перед нами возникает картина присутствия в Галлии относительно многочисленной группы сармато-алан, а точнее алан, но присутствия рассеянного и менее продолжительного, чем пребывание других этносов... Непосредственное влияние алан на военно-политические события было значительным, но кратким» [2, с. 320]. Автор безусловно прав, отмечая кратковременность пребывания алан во Франции. В то время как королевства бургундов и вестготов сохранялись в Галлии одно-два столетия, поселения алан к северу от Луары просуществовали всего пару десятилетий. Разумеется, Я. Лебединский своими исследованиями не смог поставить точку над всем топонимическим арсеналом, связанным с сармато-аланами. Наоборот, ученый призывает к дальнейшему исследованию сармато-аланского наследия, особенно древних форм названий.

Небольшой по объему последний параграф третьей главы – «Культурные связи» подтверждает не только факт пребывания алан в Галлии, но и глубокий культурный след, оставленный ими в этом ареале. Аланы упоминаются в начальной истории французского государства, источниках мифологического характера, составленных соответственно в VII–VIII вв. – в «Истории франков» Фредегера и анонимной «Книге истории франков». Между тем, судя по этим книгам, франки получили свою независимость от римлян после одержанной ими победы над аланами на Азовском море. Следует отметить, что франки никогда не пересекались с аланами у берегов Азовского моря. Вымысел преследовал цель героизировать прошлое, зафиксировав победу над действительно значимым противником. Что касается источника под названием История бриттов (*Historia brittonum*) валлийского историка VIII–IX вв. Ненния (IX в.), то он содержит два генеалогических предания. Согласно первой, некий Аланус, сын Яфета и внук Ноя, став первым жителем Европы после Всемирного потопа, «становится предком нескольких больших европейских народов – вандалов, франков, «латинян», аламанов, бретонцев, бургундов и готов» [1, с. 172]. Второе предание возводит Алануса к Энею из Трои, к Яфету и провозглашает его предком бретонцев [5, с. 98]. При всех возможных предположениях Я. Лебединский не сомневается в том, что «свое имя этот вымышленный Аланус мог заимствовать только у алан» [1, с. 72], и этот факт является еще одним весомым свидетельством глубокого следа, оставленного аланами в Галлии, о котором писал французский ученый Э. Сален.

Я. Лебединский не обошел стороной и параллели между легендами о короле Артуре и нартовским эпосом, подверг критическому анализу монографии К. Скотт Литтлтона и Л. Малкор

«От Скифии до Камелота» [6] и Г. Рида «Артур – король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии» [7], подчеркивая преувеличенность некоторых суждений и параллелей, хотя и признает, что «некоторые элементы легенд о короле Артура аналогичны кавказским, точнее осетинским нартовским преданиям, а также обычаям, отмеченным у сармато-алан в античные времена». Эти свои мысли Я. Лебединский проиллюстрировал примерами из британского и осетинского эпосов: тематическое и композиционное сходство (святой Грааль – Уацамонга) образов, тождественных в малейших деталях (сходство мотивов смерти Артура и Батрадза), мантии (из бороды рыцаря Ритта и из скальпа нарта Сослана), сближение имени Артура с осетинским *арт-хур* (огонь-солнце) [1, с. 173–175].

Автору монографии о сарматах и аланах удалось «выделить возможные случайные совпадения и выявить те элементы, которые могут восходить к общеиранским корням (эпические общеиндоевропейские сюжеты, унаследованные кельтами и ираноязычными степными народами). Ученый допускает и возможное фактическое заимствование, имея в виду имевшие место контакты кельтов со скифами на Северном Причерноморье» [1, с. 175].

Тем не менее элемент сомнения в достоверности указанных параллелей у Я. Лебединского сохранился. И одним из поводов для сомнения послужил временной разрыв между ними. По его мнению, британская легенда о короле Артуре сложилась в раннее Средневековье, в то время как нартовские сказания автор датирует XIX в. Но это далеко не самый удачный пример. Хотя бы потому, что, если ученому сообществу нартовские сказания стали известны в XIX в., это вовсе не значит, что они тогда же и возникли. В нартоведении твердо установлено, что окончательное формирование нартовских сказаний осетин произошло в первом тысячелетии н. э. в среде аланских племен. Так что временного разрыва в возникновении эпосов практически не существует.

«Очевидно, что область, в которой вклад сармато-алан в культуру Западной Европы кажется логичным, – это развитие кавалерии... в силу своих традиций сарматы и аланы были, по всеобщему признанию, непревзойденными наездниками», – этими словами Я. Лебединский иллюстрирует значительный вклад алан в преобразование армии франков, которая в те далекие времена в основном была пешей. Кроме того, известно, что аланское влияние в использовании тактики «притворного отступления» сохранилось во франкском государстве вплоть до XI в. Автор монографии не ограничивается этими приме-

рами. Ссылаясь на М. Казанского, он допускает возможным аланское происхождение обычая захоронения некоторых «варваров» с одним единственным видом вооружения – мечом, который аланы боготворили. Именно сармато-аланы первыми принесли на территорию Франкского государства обычай искусственного деформирования черепа. Интересно описание этого процесса в монографии. Согласно автору, деформация черепа представляет из себя «углубление в форме арки более или менее полукруглой формы, особенно ярко выраженное в лобной и теменной частях, но распространяющееся также и на боковую часть черепа над ушными раковинами. Она достигалась давлением на голову ребенка повязки с шитой дугообразной железной пластинкой под названием «дужка», являвшейся частью круглой картонной шапочки, которую носили девочки и женщины» [1, с. 182–183]. Впоследствии, в гуннскую эпоху эта традиция не была больше прерогативой сармато-алан и получила распространение среди тейфалов, вестготов и др. племен. Таким образом, «смешение народов и культур в эпоху Великого переселения народов в некотором смысле умножило влияние сармато-алан на территории всей Европы, в частности Галлии, в позднеримский и постримский периоды» [1, с. 185]. Обычай деформации черепов просуществовал более тысячи лет. Так, одевать на маленьких детей головные уборы, обручи или повязки, плотно стянутые под подбородком или на затылке, вызывая, таким образом, деформацию, существовал на западе Франции вплоть до XIX века.

Весьма интересные и любопытные материалы содержатся в приложении к книге. В нем предлагается довольно подробный лингвистический анализ антропонимов (имен) самых видных аланских предводителей, а также антология современных мифов по теме. В ряде трудов по истории франков утверждается мысль, что франки могли быть сарматами или скифами, осевшими в Галлии в период Великого переселения народов и принявшими новое название. Вот как комментирует эти слова Я. Лебединский: «Хотя мнение де Вина и было ошибочным, оно предвосхитило современные представления о влиянии сармато-алан на германскую среду, об их роли в формировании сначала «дунайской» межнациональной культуры в гуннскую эпоху, а затем и первой меровингской культуры» [1, с. 195]. Неоспоримо также влияние, оказанное сообществами сармат и алан на армию позднего Рима, на германский мир, на культуру гуннов. Влияние это проявилось в том числе и в нравственной сфере, в заимствовании предметов обихода, таких как золотые и серебряные браслеты, подвески для мечей из ценных материалов. Сармато-аланское происхождение имеют такие символы, как «драконы» – знамена-штандарты

на длинном шесте, представляющие собой голову фантастического чудовища, тканевое тело, надувающееся проходящим в пасть воздухом, и развевающийся хвост сзади» [2, с. 320].

И, наконец, как ни парадоксально, содержащее древних хроник повторяет современный автор Р. Шмекель. Он пишет, что группа сарматов служила в Паннонии недалеко от Будапешта. Рассорившись со своим начальством, сарматы ушли в Тюрингию, откуда впоследствии переместились на берега Рейна, где подчинили себе германцев и основали франкский «народ». Довольно любопытны страницы книги о тех современных жителях Франции, которые и сегодня с гордостью заявляют о своем сарматском и аланском происхождении и в «доказательство» этого доходят до мистицизма (примером могут служить жители деревни Шальмазель, гордящиеся своим скифо-аланским происхождением).

Анализируемой монографией Я. Лебединского сделан решительный, прорывной шаг в поиске и исследовании сармато-аланского наследия на территории нынешней Франции, оставлен след, который, по утверждению автора, «ни тщетен, ни надуман». Призывая к дальнейшему, более глубокому изучению этого наследия, Я. Лебединский подчеркивает, что «проблема сармато-алан на территории Франции не малозначимая,

ибо сармато-аланы сыграли несомненную роль в истории Галлии того времени, а именно в решающую эпоху перехода от римской Галлии сначала к «римско-варварским» королевствам, а затем к меровингской Франкии. Прямо или косвенно они оказали культурное влияние на страну, которая впоследствии должна была стать Францией. Они входят в число (пусть даже в малой пропорции) предков французов» [1, с. 187–188]. В этих словах автора ценной монографии заключается вся значимость трудов Ярослава Лебединского по исследованию сармато-аланского наследия на территории Франции.

Работы Я. Лебединского показательны и в другом. Хотя его труды и не являются последним словом в изучении проблематики, тем не менее они служат прекрасным ориентиром, образцом для аналогичных исследований наследия сармато-алан в соседних с Францией странах Западной Европы, особенно Италии и Испании. Проблема эта захватывающая и перспективная. Она весьма привлекательна для истинных исследователей и интересантов. Возможно, этому будет способствовать и исследовательский кружок «Галлия-Сарматия», относительно недавно созданный в Париже и возглавляемый автором данного исследования, известным сармато-алановедом Европы Ярославом Лебединским.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебединский Я. Сарматы и аланы в Галлии в IV–V вв. История и наследие // Алано-кавказская библиотека. – Владикавказ, 2016.
2. Лебединский Я. Аланы в Галлии: ретроспективный обзор и выводы // Этногенез и этническая история осетин. Материалы международного конгресса. – Владикавказ, 2013.
3. Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России. Пер. с англ. Т.В. Китаиной. – М.: Центрполиграф, 2010.
4. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.1. – М.: Директ-Медиа, 2016.
5. Бахрах Б. Аланы на Западе. Ард. – М., 1993.
6. К. Скотт Литтлтон К.С., Малкор Л.А. От Скифии до Камелота. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2007.
7. Рид Г. Артур – король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии. – Владикавказ: «Алания», 2005.

SARMATIAN-ALANIAN COMPONENT OF THE FRENCH HISTORY (IAROSLAV LEBEDISKY'S BOOK REVIEW "SARMATIANS AND ALANS IN GAUL IN THE IV-V CENTURIES. THE HISTORY AND HERITAGE")

A.L. Chibirov

PhD in History, OIHSS (Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies) VSC (Vladikavkaz Scientific Center) of the Russian Academy of Sciences (chibiroff@mail.ru)

Abstract. The European historiography has always paid attention to the Sarmatian-Alanian problematics. This was due to European scientists' continued interest in the historical past of Europe, whose culture had been significantly influenced by the Sarmatians and Alans. One of the most interesting works on the Sarmatians and Alans has been written by a French historian-archeologist of Ukrainian origin Iaroslav Lebedinsky. The book is called «The Sarmatians and Alans in Gaul in the IV-V centuries. The history and heritage», and it is about historical, archeological and cultural heritage, left by the Sarmatians and Alans in the territory of the present-day France in a certain chronological period. **Keywords:** Lebedinsky, Sarmatians, Alans, Roman Empire, Gaul.

REFERENCES

1. Lebedinskiy Ya. Sarmaty i alany v Gallii v IV–V vv. Istoriya i nasledstvo // Alano-kavkazskaya biblioteka. – Vladikavkaz, 2016.
2. Lebedinskiy Ya. Alany v Gallii: retrospektivnyy obzor i vyvody // Etnogenez i etnicheskaya istoriya osetin. Materialy mezhdunarodnogo kongressa. – Vladikavkaz, 2013.
3. Sulimirskiy T. Sarmaty. Drevniy narod yuga Rossii. Per. s angl. T.V. Kitainoy. – М.: Tsentrpoligraf, 2010.
4. Uspenskiy F.I. Istoriya Vizantiyskoy imperii. T.1. – М.: Direkt-Media, 2016.
5. Bakhrakh B. Alanya Zapade. Ard. – М., 1993.
6. K. Skott Littleton K.S. Malkor L. A. Ot Skifii do Kamelota. – Vladikavkaz: Proekt-Press, 2007.
7. Rid G. Artur – korol' drakonov. Varvarskie istoki velichayshey legendy Britanii. – Vladikavkaz: «Alaniya», 2005.